

для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 янв. 2022 г. : тез. докл./ Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2022. – С. 101–102.

7. Губич, М. В. Проблемные аспекты определения сущности и содержания социальной инженерии в контексте обеспечения информационной безопасности / М. В. Губич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2022. – № 1. – С. 18–23.

8. Халиков, А. Н. Должностные преступления: характеристика, расследование, предупреждение (криминалистический аспект) : монография / А. Н. Халиков ; под ред. В. И. Комиссарова. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 105 с.

Дата поступления в редакцию: 17.03.2023

УДК 343.985

*С. В. Король, адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: sergey_moz@mail.ru*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЛАСНОГО СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДО ПЕРИОДА ОБРАЗОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Рассматривается развитие и становление института гласного содействия в оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в Республике Беларусь. Акцентируется внимание на анализе исторических этапов развития института, определении его места и роли в ОРД в рамках исследуемой темы. Выявляются вопросы, требующие дополнительного научного изучения. С учетом того, что наука ОРД является относительно молодым направлением в юриспруденции Беларуси, принимается во внимание, что история института гласного содействия гражданам органам, осуществляющим ОРД, не была подробно теоретически изучена в научных работах. Предлагается провести комплексный ретроспективный анализ правового регулирования ОРД в истории Беларуси.

Ключевые слова: правовое регулирование, гласное содействие, оперативно-розыскная деятельность, история, правоохранительные органы.

*S. V. Korol, Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty
of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: sergey_moz@mail.ru*

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF PUBLIC ASSISTANCE TO THE DETECTIVE AGENCIES ON THE TERRITORY OF BELARUS BEFORE THE SOVIET STATE FORMATION

The article deals with the development and formation of the institute of public assistance in detective activity in the Republic of Belarus. The article focuses on the analysis of historical stages of development of the institute, determination of its place and role in the detective activity within the framework of the topic under study. The issues requiring additional scientific study are identified. Taking into account the fact that the science of detective activity is a relatively young area of law in Belarus, it is taken into account that the history of the institute of public assistance to the detective agencies has not been theoretically studied in detail and considered in scientific works. It is proposed to conduct a comprehensive retrospective analysis of the legal regulation of detective activity in the history of Belarus.

Keywords: legal regulation, public assistance, detective activity, history, law enforcement agencies.

Исследование института гласного содействия в оперативно-розыскной деятельности невозможно без рассмотрения и анализа основных исторических этапов его развития. Указанный подход позволяет изучить место и роль данного специфического института в ОРД, выделить вопросы, не подвергавшиеся ранее доскональному изучению, предложить их решение.

Наука ОРД в Республике Беларусь является достаточно молодым направлением в юриспруденции, и, соответственно, по объективным причинам история развития института гласного со-

действия граждан органам, осуществляющим ОРД (далее – ОООРД), не нашла должного отражения в научных исследованиях.

Для всестороннего и полного анализа развития и становления вышеуказанного института необходимо провести комплексный ретроспективный анализ правового регулирования ОРД в истории Беларуси.

Началом правового регулирования гласного содействия населения ОООРД необходимо считать период существования Древнерусского государства. Мы не можем назвать точную дату зарождения данного института, но можем предположить, что эта деятельность регулировалась нормами обычного права, которое не было формализовано. Отсюда следует, что уже в Русской Правде, правовые нормы которой действовали на территории белорусских княжеств, в общем виде данный институт нашел свое отражение, а обычное право, как известно, и было основным источником Русской Правды [1, с. 28–132].

Принято считать, что в древнерусских княжествах на начальном этапе становления государственности правоохранительного аппарата не существовало, а соответствующие функции на территории княжества осуществлял князь и его представители. Основным источником писанного древнерусского права является Русская Правда, самая ранняя редакция которой появилась не позднее 1054 г.

По своду законов Русской Правды лицо, пострадавшее от преступления, было обязано самостоятельно осуществлять розыск преступника по собственной инициативе и путем «заклича» – заявления о факте совершения преступления в публичных местах. Предписывалось, что если преступник не пойман на месте преступления, то осуществлялось «гонение следа» – формальное правило, согласно которому потерпевший осуществлял розыск преступника по следам, имевшимся на месте преступления – «куда приведет след, там и находится преступник» [2, с. 12]. Если след приводил к дому конкретного человека, то он считался преступником. Если след приводил в поселение, то его жители обязаны были выдать преступника.

Согласно тому же своду законов инициатором розыска выступало лицо, пострадавшее от преступления, которое должно было и собирать доказательства виновности преступника. Если пострадавший не справлялся самостоятельно, то он мог обратиться к соседям, которые были обязаны оказать ему содействие. Таким образом, на каждую общину была возложена обязанность по оказанию содействия в раскрытии преступлений.

Могла также возникнуть ситуация, когда похищенная вещь обнаруживалась у третьего лица, которое приобрело ее, не зная о природе ее появления у прошлого владельца. В таком случае лицо, которое приобрело похищенное, содействовало потерпевшему в поиске преступника, пока кто-либо из владельцев не мог доказать законность приобретения интересующей вещи [1, с. 47, 66].

Российские ученые И. Ф. Крылов и Н. Ф. Гончаров выделяют несколько точек зрения на осмысление характера деятельности лиц, осуществляющих розыск в вышеуказанный период. И. Ф. Крылов считает, что подобного рода инициативный розыск преступников лицами, которые не исполняют правоохранительные функции по роду своей деятельности, осуществлялся вплоть до XIII–XV вв. [3, с. 87]. Н. Ф. Гончаров отмечает, что уже с начала XI в. появляются лица, занимающие государственные должности, в полномочия которых входит розыск преступников, например, мечник (дружинник князя, судебный служитель) и емец (поймщик вора), которым и оказывало содействие население [4, с. 10–11].

Таким образом, с XIII по XV в. на территории белорусских земель фактически зарождался розыск: в широком смысле – деятельность по раскрытию преступлений, в узком – установление местонахождения определенной категории лиц, предметов и иных объектов [5, с. 22–23].

Российский исследователь темы гласного содействия А. Ю. Сыпачов считает, что становление института гласного содействия населения начинается со времен действия Русской Правды, так как именно в тот период на законодательном уровне закрепляется порядок привлечения жителей общины (поселения) к розыску лиц, совершивших преступление. При этом ученый утверждает, что не имеет принципиального значения, как осуществлялся такой розыск – в частном порядке или специально уполномоченными на то лицами; и что важно учитывать не характер деятельности лиц, осуществлявших розыск, а порядок предоставления им информации о лицах, совершивших преступления [6, л. 15].

С учетом изложенного можно говорить о том, что рассматриваемый период Древнерусского государства фактически является этапом становления как института гласного содействия, так и сыска в целом, так как содержанием сыска изначально являлась деятельность потерпевших, а впоследствии и должностных лиц специальных государственных органов по розыску преступников. Многие авторы отмечают, что именно сыск со временем стал основой формирования оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной правоохранительной деятельности [7, с. 55].

После распада Древнерусского государства на отдельные княжества и образования Великого княжества Литовского (ВКЛ) правовое регулирование гласного содействия при розыске преступников не претерпело существенных изменений.

В 1468 г. издается Судебник Великого князя Литовского Казимира Ягайловича. В Судебнике было закреплено, что по так называемому праву следа потерпевший сам проводил следственные действия и предоставлял доказательства уполномоченным лицам. Из-за того, что в данном правовом акте была предусмотрена ответственность за сокрытие преступника, можем также по аналогии с прошлыми актами законодательства сделать вывод о том, что таким образом была предусмотрена обязанность о сообщении информации о противоправных деяниях уполномоченным на разбор лицам [8, с. 105–109].

Правовые попытки регламентирования института гласного содействия можно выделить и в действовавших на территории современной Беларуси Статутах ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. В них используются термины, подобные терминам в Русской Правде, например, «гонение следа» [9, с. 204], а в последующем – «погоня за преступником с украденными вещами» [10, с. 200].

Анализ некоторых норм Статутов позволяет сделать вывод о роли населения в раскрытии преступлений. Так, в п. 6 «тринадцатого раздела» под заглавием «О злодействе» (Статут ВКЛ 1529 г.) говорится, что если кто посмеет у себя в доме спрятать преступника или же, узнав о преступлении, не выдал его, или же попытался откупить его вину, будет нести ответственность за все совершенные преступником злодеяния и будет обязан возместить ущерб всем потерпевшим в полном объеме [8, с. 131]. Таким образом в Статуте ВКЛ 1529 г. закреплялась обязанность населения гласно содействовать раскрытию преступлений.

В период действия Статута ВКЛ 1566 г. правовое регулирование содействия населения розыску преступников существенно не изменилось.

Статут ВКЛ 1588 г. действовал более 250 лет без значительных изменений. В нем написано: «...если бы были украдены лошади, волы, скот и другие вещи из дома и откуда бы ни было, а тот потерпевший нашел бы следы такой кражи и, собрав людей хороших, окружающих соседей, по обычаю погнался бы следом...» [10, с. 200]. Содержание данной нормы позволяет заключить, что содействие раскрытию преступлений закреплялось на законодательном уровне.

В период нахождения белорусских территорий в составе Российской империи интересным в рамках настоящего исследования является изданный Екатериной II правовой акт «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи 1775 г.» (далее – Учреждение 1775 г.) [11, с. 229–287]. В соответствии с данным правовым актом земский исправник «как скоро сведает о таковых делах, кои обществу вред наносят, и не до его решения принадлежат, о том даст знать, куда надлежит» [11, с. 252]. Подобная обязанность сообщать о нарушениях была и у городничего [11, с. 256]. Информацию вышеуказанные лица должны были получать от населения, которое обязано было оказывать содействие в ее предоставлении, а также выполнять необходимые поручения.

Позже обязанность содействовать раскрытию преступлений была закреплена и в наиболее крупном значимом правовом акте XVII в., который устанавливал права и обязанности органов полиции и регламентировал их деятельность. Документ назывался «Устав благочиния или полицейский», был подписан 8 апреля 1782 г. Екатериной II, и ст. 100 предусматривала: «Буде учинилось уголовное преступление, и кто кем в какой части города найден в уголовном преступлении, то должен уголовного преступника отсылать частному пристава... Буде же кто уголовного преступника не тронет, ибо не отдаст, или об уголовном преступлении или уголовном преступнике не уведомит частного пристава, о том частный пристав предложит управе благочиния. Да исследует, его ли виною не представил или не уведомил частного пристава» [12, с. 324, 387].

Сохранились соответствующие нормы и в российских законодательных актах XIX в., которые регулировали содействие населения уполномоченным лицам в раскрытии преступле-

ний. Например, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало целый ряд статей, устанавливающих ответственность за несообщение информации о преступлении [13, с. 171, 309].

В XIX в. формируется законодательная база, согласно которой в обязанности уполномоченных на правоохранительную функцию входит сбор информации, в том числе и с помощью лиц, привлекаемых к оказанию содействия органам полиции. Так, Инструкцией полицейским надзирателям при отделении по охранению общественной безопасности и порядка 1897 года [14, с. 150–161] оговаривалась такая форма содействия населения полицейским надзирателям, как помощь со стороны заведующих меблированными комнатами, швейцаров, ночных сторожей, дворников, на фабриках – сторожей и конторщиков. Надзирателям рекомендовалось выявлять среди данной категории лиц наиболее способных, которые добровольно будут содействовать полиции.

Российский исследователь Е. В. Васьковская отмечает, что судебная реформа 1864 г. разделила уголовный процесс и ОРД. Сыск преступников становится одним из видов деятельности органов государственной власти. Образованы соответствующие государственные органы, наделенные полномочиями на проведение ОРД и правом использовать при осуществлении данного вида деятельности содействие граждан [15, л. 57].

В начале XX в. впервые был определен принцип добровольности содействия граждан правоохранительным органам в борьбе с преступным элементом, когда в 1913 г. появляется институт народных дружин. В этот период «...содействие отдельных лиц ОООРД вышло за рамки доносов и стало целенаправленным, подбирались и использовались отдельные лица в целях выявления преступлений и розыска преступников. Была сформирована нормативная база, закреплявшая возможность использования содействия отдельных лиц государственными органами, осуществляющими ОРД. Содействие отдельных лиц ОООРД получило наибольшее распространение в деятельности органов политического сыска, а также стало использоваться и для борьбы с уголовной преступностью» [15, л. 57].

Одним из наиболее проработанных документов, регламентирующих вопросы содействия лиц правоохранительным органам при осуществлении ОРД, являлась Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры 1914 г. (далее – Инструкция 1914 г.), составленная Московским охранным отделением. Инструкция 1914 г. в большей степени освещала правовые и организационные основы деятельности конфиденциально содействующих лиц, но в то же время в ней отмечалось, что в деле розыска не следует пренебрегать никакими лицами и исходящими от них сведениями. Здесь речь идет уже о лицах, не входящих в категорию конфиденентов. Откровенные показания, заявления и прочие должны были быть приняты, надлежаще оценены и подвергнуты всесторонней проверке [16, с. 345]. Действовала Инструкция 1914 г. в том числе на территории белорусских губерний.

Как отмечает Е. В. Васьковская, «многовековой опыт осуществления оперативно-розыскной деятельности убедительно свидетельствует о невозможности полноценно бороться с преступностью без активного участия в этом процессе граждан, оказывающих содействие государственным органам на гласной основе» [15, с. 62–63].

Приведенный опыт не всегда отражал осознанность и добровольность граждан в вопросе содействия противодействию преступности. Часто данное содействие сопровождалось мерами государственного принуждения, неотвратимости наказания за неоказание содействия либо получением материального вознаграждения за подобного рода взаимодействие. Однако, несмотря на это, содействие граждан ОООРД имело высокую эффективность на каждом этапе исторического развития белорусской государственности.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Зарождение гласного содействия населения ОООРД в период Древнерусского государства считается началом правового регулирования данного института. Предположительно, деятельность этого института регулировалась нормами обычного права, которое нашло свое отражение в Русской Правде. В то время не существовало специализированного правоохранительного аппарата и соответствующие функции выполняли князь и его представители. Таким образом,

период Древнерусского государства является этапом становления института гласного содействия и сыска, которые впоследствии сформировали основу оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной правоохранительной деятельности.

2. После распада Древнерусского государства правовое регулирование гласного содействия в розыске преступников на территории ВКЛ существенных изменений не претерпело. Судебник 1468 г. и Статуты ВКЛ (1529, 1566, 1588 гг.) также предусматривали обязанность населения гласно содействовать раскрытию преступлений, сообщать об известных преступниках и участвовать в их розыске. Указанное свидетельствует о том, что правовая традиция содействия населения раскрытию преступлений сохранялась и развивалась в ВКЛ.

3. В период нахождения белорусских территорий в составе Российской империи содействие населения раскрытию преступлений продолжало регулироваться законодательно. Учреждение 1775 г., Устав благочиния или полицейский 1782 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и иные нормативные акты закрепляли обязанности населения по гласному содействию правоохранительным органам. Судебная реформа 1864 г. стимулировала формирование специализированных государственных органов, отвечающих за оперативно-розыскную деятельность и взаимодействие с гражданами. В начале XX в. был введен принцип добровольности содействия граждан ОООРД. Таким образом, исторический опыт борьбы с преступностью демонстрирует необходимость активного участия граждан в содействии правоохранительным органам на гласной основе.

Список использованных источников

1. Российское законодательство X–XX веков : тексты и коммент. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984–1994. – Т. 1 : Законодательство Древней Руси / подгот. О. И. Чистяковым [и др.]. – 1984. – 432 с.
2. Бажанов, С. В. Учение о розыске (уголовно-процессуальные, криминалистические и оперативно-розыскные аспекты) : монография / С. В. Бажанов. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 168 с.
3. Крылов, И. Ф. Розыск, дознание, следствие : учеб. пособие / И. Ф. Крылов, А. И. Бастрыкин ; Ленингр. ун-т им. А. А. Жданова. – Л. : ЛГУ, 1984. – 216 с.
4. Власов, В. И. Организация розыска преступников в России в IX–XX веках (историко-правовое исследование) : монография : в 2 ч. / В. И. Власов, Н. Ф. Гончаров. – Домодедово : РИПК работников МВД России, 1997. – Ч. 1. – 145 с.
5. Бражников, Д. А. Основы деятельности органов внутренних дел по розыску без вести пропавших лиц : учеб.-метод. пособие / Д. А. Бражников, А. А. Бражникова, Г. С. Козлов. – Челябинск : ГОУ ВПО ЧЮИ МВД России, 2008. – 81 с.
6. Сыпачов, А. Ю. Правовые и организационно-тактические основы гласного содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12. 00. 09 / А. Ю. Сыпачов. – Тюмень, 2009. – 186 л.
7. Серов, Д. О. Следствие в Древнерусском государстве X–XIV вв. (исторический опыт) / Д. О. Серов, А. В. Федоров // Рос. следователь. – 2015. – № 1. – С. 53–56.
8. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах: са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапам. / Акад. МУС Рэсп. Беларусь ; пад агул. рэд. А. Ф. Вішнеўскага. – 2-е выд., дап. – Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. – 320 с.
9. Доўнар, Т. І. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо ; рэд-кал.: Т. І. Доўнар [і інш.] – Мінск : Тэсей, 2003. – 250 с.
10. Статут Вялікага Княства Літоўскага, 1588 / пер. на сучас. беларус. мову А. С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2005. – 207 с.
11. Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. – 1034 с.
12. Российское законодательство X–XX веков : тексты и коммент. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984–1994. – Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма / подгот. О. И. Чистяковым [и др.]. – 1987. – 527 с.
13. Российское законодательство X–XX веков : тексты и коммент. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984–1994. – Т. 6 : Законодательство первой половины XIX в. / подгот. О. И. Чистяковым [и др.]. – 1988. – 432 с.
14. История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы : учеб. пособие / В. В. Альхименко [и др.] ; под ред. В. М. Курицына. – М. : Щит-М, 1998. – 200 с.

15. Васьковская, Е. В. Гласное содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность : дис. ... канд. юрид. наук : 12. 00. 09 / Е. В. Васьковская. – Красноярск, 2005. – 179 л.

16. Щербаква, Е. И. Агентурная работа политической полиции Российской империи (1880–1917) : сб. док. / Е. И. Щербаква ; под ред. Г. А. Бордюгова. – М. : АИРО-XXI, 2006. – 384 с.

Дата поступления в редакцию: 28.06.2023

УДК 343.14

П. В. Мытник, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: pvmytnik@yandex.by

ИНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Рассматриваются иные процессуальные действия, которые направлены на получение доказательств и не являются следственными действиями. До настоящего времени нет единого взгляда на значение сведений, получаемых при отобрании объяснений. Акцентируется внимание на единообразной практике на оформление предметов и документов, представляемых участниками уголовного процесса. Указанная позиция обосновывается примерами из практической деятельности. Акцентируется внимание на проблемных вопросах. Предлагается внести изменения и дополнения в действующий УПК.

Ключевые слова: доказательства, документы, заявление, истребование, объяснение, получение, постановление, представление, проверка, протокол, следственные действия, собрание, сообщение, орган уголовного преследования.

P. V. Mytnik, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Criminal Procedure Department of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: pvmytnik@yandex.by

OTHER PROCEDURAL ACTIONS AIMED AT COLLECTING EVIDENCE

In this article the other procedural actions which are not investigative and aimed at obtaining evidence are considered. To date, there is no consensus on the meaning of information obtained while selecting explanations. The attention is focused on the uniform practice of filing items and documents presented by participants of the criminal proceedings. This position is substantiated by practical examples. The attention is emphasized on problematic issues. Amendments to the current Code of Criminal Procedure are proposed.

Keywords: evidence, documents, claim, demand, explanation, receipt, order, presentation, verification, report, investigative actions, collecting, reporting, criminal prosecution body.

Проведение следственных действий – основной, но не единственный способ собирания доказательств. Согласно ч. 1 ст. 103 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь (УПК) собирание доказательств производится путем проведения и других процессуальных действий.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить иные процессуальные действия, не столько детально регламентированные, но направленные на собирание доказательств. К ним относятся: 1) истребование предметов, документов, информации; 2) производство проверок; 3) получение предметов, документов и других носителей информации; 4) получение объяснений, заявлений и сообщений.

Для четкого понимания особенностей таких процессуальных действий логично каждое рассмотреть по отдельности. При этом примеры из практики дадут более полную картину процессуального действия.

1. В соответствии с ч. 2 ст. 103 УПК орган уголовного преследования, а также суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе¹ в пределах своей компетенции вправе по находя-

¹ Спорным является наделение суда правом собирания доказательств, так как он неизбежно становится на позицию одной из сторон, что в состязательном процессе не допускается. В этой связи В. А. Лазарева указывает, что «проверка доказательств, предшествующая их оценке, требует зачастую собирания других доказательств, поэтому собирание судом доказательств – лишь способ проверки обоснованности обвинения или доводов, приводимых стороной защиты» [1, с. 41].